

Лотман был в чем-то похож на того незаметного учителя, который рассказал мольеровскому персонажу, что он говорит прозой, а не стихами. Если остановиться и задуматься, то любой дойдет до мысли, что все, окружающее нас, есть культура и что она существует по каким-то законам, что у нее есть какая-то структура. Для этого надо только остановиться, а – некогда да и неохота. Лотману хватило мужества (правильное ли слово?) никуда не спешить. Он зарылся в книги, прожил всю жизнь в библиотеке, в Тартуском университете, учил студентов, занимался исследованиями, писал книги, никому особенно не нужные, не-

Юрий Лотман (слева) с женой в Англии.

Конец правды – 1997 – 4 марта – а 4

ЮБИЛЕИ

Психее присуц самовозрастающий логос!

Юрию Лотману исполнилось 75

актуальные, не особенно увлекательные, понятные только любителям слова, любителям мудрости. Он работал тихо, неспешно, не обращая внимания на год за окном и портреты правителей на стенах домов.

Одно из его любимых высказываний принадлежит Гераклиту Эфесскому: «Психее присуц самовозрастающий логос».

Итог: книги «Лекции по структуральной поэтике», «Структура художественного текста», «Семиотика кино и проблемы киноэстетики», «Культура и взрыв», сотни статей с еще более учеными названиями, всемирная слава и полное равнодушие в своей стране.

Он никогда не отвечал на критику (в особенности – если она была политической). Вспоминал Ломоносова: «Указывать ошибки пустое дело: достойному надлежит сделать лучше».

Предметом его семиотических исследований «по идее» мог стать любой объект, поддающийся средствам лингвистического описания. Он предпочел литературу. Кто-то ведь должен был напомнить школьникам о настоящем Карамзине, или Пушкине, или Тютчеве, или многих других русских писателях. Кто-то должен был вернуть первоначальный смысл «Евгению Онегину», потому что понимание его, по словам Лотмана, было утеряно уже во второй половине XIX века. Он это сделал: его комментарий к роману Пушкина – наверное, лучшее, что написано о нем, возможно, лучшее из того, что написал Лотман.

Александр МОНАХОВ.

...Все они, в глаза и за глаза, называли его ЮрМихом. Не страшась его знаменитых усов и не догадываясь, что имеют дело с Великим Ученым, задержавшимся в маленьком Тартуском

университете на сорок с лишним лет. Бывшие студенты Юрия Лотмана вспоминают своего учителя в день его рождения. Который, увы, отмечается уже без него.

Этери КЕКЕЛИДЗЕ (журналист, театральный критик, редактор газеты «Эстония-М»):

«Стояли мы перед экзаменом у русской кафедры и пели «Евгения Онегина» на мотив «Интернационала» (он совершенно прекрасно укладывался: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог»). По лестнице поднимался ЮрМих и, немножко заикаясь и топорща усы, сказал: «Товарищи, это же Пушкин!» И мы замолчали...

Что такое атмосфера филфака 60-х годов? Вольномыслие Тарту-Дербота воспевалось, и мы все безумно гордились этим. И только потом оценили...

Я брала у него интервью незадолго до его ухода. Он уже был очень болен, так и не оправился после смерти жены. Из того, что он говорил, можно было подумывать, что он говорит о близкой смерти. Я сказала: «Да что вы, Юрий Михайлович, все пройдет, вы поправитесь, вы еще столько студентам лекции не прочитали!» Он сказал: «А я уже и не боюсь».

Игорь ЧЕРНОВ (завкафедрой семиотики, любимый ученик Лотмана и последователь):

«Тогда сама эпоха заставляла переносить жизнь в квартиры, чтобы отгородиться от офиса. Дом Лотмана был постоянно открыт, и в его день рождения не хватало мест – подставляли какие-то ящики, чемоданы. Народу всегда было много, и студенты приходили запросто»...

Евгения ХАПОНЕН (продюсер редакции передач на русском языке эстонского ТВ, ав-

тор идеи знаменитых телевизионных «Бесед о русской культуре», сохранивших Лотмана для мира):

«У него была уникальная способность рассказывать об очень сложных вещах так, что заслушаешься. Вот тогда и пришла в голову идея попробовать это перед камерой. Проект был задуман в 1976 году, но первую передачу мы записали в сентябре 1986-го: Лотман был невыездным, считался тихим диссидентом. Потом его и кафедры лишили.

И вот начали записывать. Ему обязательно были нужны слушатели, поэтому я всегда сидела под камерой, чтобы он мог смотреть на кого-то, – он должен был видеть, как реагирует человек. Всего мы 35 передач записали, последнюю – за полгода до смерти. Телевизора у него, кстати, до того не было – родственники заставили купить именно в связи со съемками. Он его не смотрел – ему это было неинтересно.

...В одном из последних интервью он назвал себя невеждой. И привел любимый пример про одного учителя, который сказал ученикам, рисуя на бумажке кружок: «Это ваши знания». А вокруг кружка написал – «незнание». Потом нарисовал большой круг и сказал: «Это мои знания. Видите, насколько они больше ваших. Мои знания соприкасаются с большим пространством невежества». И дальше сказал правильную вещь: «Пока вы будете ощущать себя невеждами, вы будете еще что-то знать, и чем больше вы будете знать, тем мучительнее будет ощущение невежества. И так вы будете вовлечены, по сути дела, в безнадежную борьбу с незнанием – мы его пытаемся победить, а оно растет»...

Галина САПОЖНИКОВА.